

Сколько ни томись душой, а работу делать надо, да и жизнь не стоит на месте.

— Ох...

Кавех пластом лежал на столе среди творческого беспорядка чертежей, пока вокруг него мерно парил Мехрак, попискивая датчиками.

— Бип-боп! Состояние здоровья: в норме!

— Наконец-то... Я закончил!

За последнее время это было, пожалуй, самое радостное событие для Кавеха. Один бог знает, с какой страстью Хранители Вонголы Девятого поколения крушили всё вокруг себя — архитектору пришлось сменить добрый десяток проектов, раз за разом перекраивая чертежи.

И вот сегодня настал день проверки.

Кавех похлопал себя по щекам, с трудом оторвал измученное тело от стола и воодушевляюще посмотрел на своего механического спутника:

— Вперёд, Мехрак! Покажем им нашу неприступную твердыню!

— Бип-боп! — восторженно отозвался ящик, завертевшись в воздухе.

Сотрудники научно-исследовательского отдела уже были наготове. Вместе с Кавехом они застыли в стороне, затаив дыхание и созерцая обновлённую штаб-квартиру Вонголы.

Стоит признать, восстановленное Кавехом здание обладало редким изяществом. Глядя на него, невольно казалось, будто случайно забрёл в вековое святилище. И это как нельзя лучше перекликалось с четырёхвековой историей самой Вонголы.

— На такую красоту даже смотреть боязно, не то что ломать... — благоговейно прошептал кто-то из присутствующих.

Сам Кавех тоже не ожидал, что строительные бригады мафии окажутся настолько расторопными — его грандиозный замысел воплотили в жизнь в кратчайшие сроки.

— Ну что, проверим на прочность?

Для испытаний пригласили Хранителей Облака и Дождя Девятого поколения. По настоятельной просьбе исследователей оба вооружились портативными камерами, вошли в

новенький корпус и, выбрав просторный зал, без лишних церемоний обрушили друг на друга разрушительные удары.

Кавех, не мигая, впился взглядом в мониторы.

Учёные рядом с ним затаили дыхание.

В конструкции использовался новейший экспериментальный сплав, который Кавех с умом объединил со своими скрытыми амортизирующими узлами для гашения колебаний. По самым смелым расчётам научно-исследовательского отдела, здание должно было выстоять под натиском Хранителей хотя бы полчаса.

Но реальность превзошла все ожидания...

Когда заветный таймер отсчитал тридцать минут, а стены даже не дрогнули, зал взорвался ликующими криками:

— Получилось!

И это была чистая правда: никогда прежде постройки штаб-квартиры не выдерживали подобного безумия так долго, а судя по датчикам, конструкция могла сопротивляться и дальше. Одному небу известно, сколько горьких слёз пролили учёные, когда Девятый босс раз за разом урезал им бюджет на новые проекты просто потому, что вся казна уходила на бесконечный ремонт после очередных разборок Хранителей.

Но теперь этой головной боли пришёл конец!

Финансовую систему Вонголы ждал золотой век, а научно-исследовательский отдел наконец-то мог рассчитывать на щедрые субсидии.

Кавех, заразившись всеобщим ликованием, радостно смеялся вместе со всеми. В порыве благодарности толпа подхватила своего триумфатора на руки и принялась с криками качать, подбрасывая высоко в воздух.

Аль-Хайтам уже давно сидел в углу, безмолвным призраком наблюдая за происходящим.

А посмотреть было на что: прямо сейчас Акико Ёсано вела свой бесконечный бой со смертью. В палату нескончаемым потоком тащили раненых — изувеченных солдат со сломанными костями, разорванными артериями и проломленными черепами. Это было сплошное месиво из плоти и криков.

Лицо Акико оставалось ледяным. Орудя скальпелями, пилами и прочими инструментами, она хладнокровно балансировала на грани жизни и смерти своих пациентов, доводя их до агонии лишь для того, чтобы в последний миг активировать эперскую способность — «Не отдавай, любимый, жизнь свою».

И чудо свершалось раз за разом: она вырывала искалеченных солдат из цепких лап смерти.

— Уф...

Пальцы девушки начали мелко дрожать, а глаза нещадно резало от усталости.

Поняв, что её собственный организм работает на износ и вот-вот откажет, Ёсано без малейших колебаний вонзила лезвие в собственное тело, целясь в жизненно важную точку. По телу пробежала волна исцеления, мгновенно возвращая ей силы.

Всего за пару часов некогда стерильный лазарет превратился в кошмарную скотобойню, залитую кровью с пола до потолка — настоящее логово маньяка.

Едва пришедших в себя бойцов тут же гнали обратно на передовую. Там они вновь получали смертельные раны, их волокли назад, Ёсано латала их, и круговорот этого ада повторялся.

Солдаты ломались под этим гнѐтом. Вся их бессильная злоба выплескивалась на хрупкую девушку. Они плевались кровью и истошно орали ей в лицо:

— Дай мне умереть! Убей меня, чудовище!

Но ответом на их мольбы становилось лишь очередное насильственное воскрешение.

— Прекрасная работа, Акико.

Ассистировавший ей Огай Мори с восторгом созерцал плоды своих трудов. Перед ним стоял безупречный «Ангел смерти» — идеальное творение, чьё сердце больше не дрожало от бессмысленных криков умирающего пушечного мяса.

— Эта боль мимолётна, дитя моё. Когда они с победой вернутся в родные края, они поймут, что именно ты подарила им жизнь, и будут вечно тебе благодарны.

Аль-Хайтам впервые пересѣкся с Мори и сразу же стал свидетелем этой методичной психологической обработки.

В фиолетовых глазах этого доктора горело холодное пламя амбиций. Он смотрел на девочку не

как на живого человека, а как на ценнейший ресурс, неоспоримый козырь в своей игре.

Хайтам наблюдал за ними с полудня, пока солнце не скатилось за горизонт и тьма не поглотила остатки света.

"Она на пределе"

Глядя на пустые, стремительно стекленеющие глаза Акико Ёсано, парень чувствовал, что перед ним не человек, а искусно сработанная марионетка, чьи невидимые нити крепко сжимает в своих пальцах Мори.

[Хозяин, пора возвращаться.]

Даже спустя сутки непрерывного кошмара изнурённая Акико ни разу не взглянула в его сторону.

— Ещё немного, — мысленно отозвался Аль-Хайтам.

Он поудобнее устроился на своём месте, разминая затёкшие за долгие часы ожидания мышцы.

И он продолжал смотреть. Смотрел, как бледный лунный свет растворяется в робких предрассветных лучах, как люди умирают и воскресают вновь в безумном танце, пока лишь одна Акико Ёсано оставалась недвижимым, застывшим изваянием посреди этой кровавой круговерти.

[Хозяин, вы превысили лимит пребывания уже на очень приличный срок.]

— Ещё немного.

Система никак не могла взять в толк, зачем её прагматичный хозяин, всегда превыше всего ценивший личную эффективность, растрчивает время на столь бессмысленное занятие.

[Даже если вы останетесь здесь, ожидание затянется. Проще вернуться в следующий раз.]

— Не нужно. Момент выбран идеально.

Хайтам заблокировал попытку Системы принудительно перенести его обратно.

Пока они вели этот безмолвный спор, поток раненых наконец иссяк. Проводив взглядом последнего солдата, Акико Ёсано бессильно сползла по краю пустой койки прямо на залитый кровью пол.

В её затуманенном разуме царила звенящая пустота — словно в сломанной музыкальной шкатулке, у которой лопнула пружина. Лишь пальцы правой руки продолжали судорожно, механически подёргиваться, вновь и вновь повторяя заученные движения хирургического ножа.

— Тебе больно, Ёсано?

Аль-Хайтам подошёл ближе и опустился перед ней на корточки, ловя её отсутствующий взгляд.

— Нет... мне... нет...

— Им гораздо... гораздо больнее...

— Это ведь я... это я заставляю их так страдать...

Эти слова срывались с её губ неосознанно, словно запущенная чьей-то жестокой рукой программа.

— Нет, тебе больно.

Спокойный, ровный голос Хайтама прозвучал с убийственной уверенностью, окончательно сокрушая её хрупкую ментальную броню.

— В том, чтобы признать собственную боль, нет ничего постыдного.

— Ты на волосок от гибели, Ёсано. От истощения.

Он повторил то, что подумал при их первой встрече, прекрасно зная, что умереть по-настоящему её извращённый дар ей не позволит.

Одинокая слеза скользнула по её испачканной щеке, глухо ударившись о половицы. Следом за ней сорвалась вторая, третья, четвёртая... пока этот тихий ручеек не превратился в настоящий ливень.

— Ох...

Акико зашла в беззвучном, надрывном рыдании, зажимая рот руками, чтобы сдержать рвущийся наружу крик.

Хайтам деликатно отвернулся, не желая смутить её своим вниманием в этот миг предельной уязвимости.

Но он не ушёл. Парень продолжал сидеть рядом в полумраке лазарета, терпеливо слушая, как её слёзы разбиваются о грязный пол.

Понемногу всхлипы Акико стали тише, сменяясь прерывистым, сиплым дыханием. Она дрожащими пальцами вытянула из кармана измятый платок, шумно высморкалась и... разрыдалась с новой силой.

Она плакала долго, безутешно, словно стремясь выплакать всё отчаяние, копившееся в ней неделями.

— Спасибо... — наконец выдавила она охрипшим голосом.

— Я ничего не сделал.

— Спасибо...

<http://bllate.org/book/18256/1755662>